

Облик и повадки истинных вампиров пугающе точно соответствовали древним легендам: эти существа, лишенные человеческого тепла, во всем превосходили смертных, кроме страха перед серебром и солнечным светом. Предания гласили, что они — лишь порождения тьмы, принявшие облик ночных птиц, и в их черных владениях человеку нечего противопоставить вековому голоду. Сейчас, когда охотники остались без оружия, замок стал для них смертельной ловушкой, и единственным спасением было немедленное бегство.

Прежний путь был слишком открытым, поэтому Бай Цзин и Найр, не теряя ни секунды, решили разделить и уходить потайными тропами, разведанными заранее.

Юноша, едва поспевавший за ними, тяжело дышал, его грудь порывисто вздымалась. Волосы, прежде аккуратно собранные, теперь в беспорядке рассыпались по плечам, обрамляя бледное, размером с ладонь, лицо. Глядя на него, Найр невольно задавался вопросом: все ли выходцы с Востока столь хрупки?

Сюй Юйлян стоял в нескольких шагах, и чтобы посмотреть на спутников, ему приходилось закидывать голову. Его глаза, напоминающие прозрачные стеклянные бусины, мерцали в полумраке, а длинные ресницы, точно нежный пух одуванчика, обрамляли их пушистым ореолом. Казалось, во всем его существе не было ни одной жесткой черты.

Найр на мгновение замер, непроизвольно потянувшись к нему, но шедший рядом охотник вовремя предостерегающе положил руку ему на плечо. В воцарившейся тишине прерывистое дыхание юноши и его влажные, лихорадочно-алые губы пробуждали в мужчинах неуместный, смутный жар.

Охотник молча покачал головой, удерживая Найра. Не нужно было слов, чтобы понять причину: взгляд его скользнул по маленькому помощнику, чьи глаза от перенапряжения вновь затянуло кровавой дымкой. Увлекая Найра за собой, он направился к окну.

У охотников были припрятаны экипажи в двух разных концах поместья. Если им удастся быстро покинуть замок, они успеют скрыться в ночи прежде, чем вампиры почуют след.

Путь через окно явно не подходил для изнеженного ассистента. Белоснежное монашеское платье выглядело слишком непрактичным, а лакированные туфельки вряд ли выдержали бы подобное испытание.

Тем временем стаи черных птиц над замком множились, их истошные, пронзительные крики разрывали ночной воздух. Медлить было нельзя. Бай Цзин, не раздумывая, обхватил Сюй Юйляня за талию, подхватил на руки и стремительно нырнул в незаметный проход для прислуги на третьем этаже.

В узком коридоре, предназначенном для доставки еды, стены и пол были заляпаны бурыми

пятнами запекшейся крови, а воздух пропитался тяжелым, невыносимым для человека смрадом. Но детектив, привыкший к суровым тренировкам, даже с ношей на руках бежал легко и стремительно, сохраняя ровное дыхание. Его шаги гулко отдавались в пустом пространстве, и казалось, этот звук долетает до самой вершины замка.

Бай Цзин на ходу продолжал сканировать пространство взглядом, готовый в любой момент отразить внезапную атаку. До выхода оставался всего один этаж, когда внимание детектива отвлекло странное ощущение: его руки коснулось нечто теплое и влажное.

Затем последовала щекотка — мягкая, пробуждающая инстинктивное беспокойство. Впрочем, это была не просто щекотка. Когда они миновали окно, не занавешенное тяжелыми шторами, лунный свет безжалостно обнажил все, что происходило в его руках.

Маленький вампир, совершенно не сопротивляясь, приник к груди Бай Цзина. Его ворот был смят, пуговицы на пальто расстегнуты, а белоснежная ряса лишь подчеркивала болезненную белизну кожи. В этом безумном беге по обветшалому замку развевающиеся полы платья создавали странную, почти романтическую атмосферу в духе мрачного Средневековья.

Тонкие пальцы юноши вцепились в запястье мужчины, едва заметно касаясь пульсирующих вен. Почувствовав биение чужого сердца, Сюй Юйлянь окончательно утратил человеческий облик: его карие глаза налились густой, насыщенной кровью, выдавая его истинную природу.

Он впервые пробовал нечто подобное и еще не умел управлять своими порывами. Он лишь чувствовал, что источник жизни совсем рядом, но не понимал, как им воспользоваться. Попробовав кусать кожу, но не добившись успеха, юноша нахмурился и, словно в забытьи, провел по руке кончиком языка.

Когда Бай Цзин заметил это, взгляд маленького вампира был все еще затуманенным и растерянным. Его густые ресницы намokли от слез, и он смотрел на мужчину с таким невинным видом, что, не будь детектив свидетелем того, как эти бледные губы только что терзали его руку, он бы ни за что не поверил в случившееся.

Бай Цзин не мог разобраться в собственных чувствах. Снаружи их преследовал разгневанный хозяин замка, а в руках он держал неблагодарного маленького хищника. Ему следовало бы немедленно бросить эту обузу или вонзить серебряный клинок прямо в его сердце, пока тот не выдал их сородичам, но вместо этого детектив поймал себя на нелепой мысли.

«Кусается совсем не больно».

Вероятно, беззащитный образ Сюй Юйляня ввел его в заблуждение. К существу, которое он обязан был ненавидеть, Бай Цзин внезапно проявил несвойственное ему терпение.

Юноша, очевидно, был изнурен голодом. Его клыки продолжали тереться о кожу, а когда получить заветную кровь не удалось, он в отчаянии начал тянуть и рвать плоть зубами. Бай

Цзин невольно нахмурился, пораженный дерзостью этого неразумного создания.

Сдавлив лицо Юйляня ладонью, он заставил его разомкнуть челюсти и освободил руку. Между ними в воздухе на миг протянулись тонкие нити слюны, но времени на раздумья не было — буря снаружи разыгралась не на шутку. Бай Цзин преодолел последний лестничный пролет, выскочил из замка и, почти не глядя, впихнул юношу на заднее сиденье экипажа. Сняв пальто, он набросил его на голову Юйляня, словно пытаясь скрыться от его взгляда.

Маленький вампир, лишившись желанной добычи, не стал неистовствовать или кричать, как того ожидал Бай Цзин. Он лишь тихо свернулся на сиденье, прижимая к себе чужую одежду, и замер. Детектив мельком взглянул на его хрупкую фигуру и вдруг с пугающей ясностью осознал: его пальто могло бы укрыть это существо целиком, с головой. Разница между ними была огромной — во всем.

Путь от проклятого замка до тихой улицы, где жил Бай Цзин, занял не более десяти минут. Они оставили преследователей далеко позади, вернувшись в безопасный мир. Однако сердце детектива продолжало бешено колотиться. Адреналин зашкаливал, достигая отметок, которых он не знал даже в те моменты, когда в одиночку сражался с высшими вампирами или чудом спасался из их окружения.

Знаменитый сыщик, который при свете дня не вел и бровью, глядя в лицо жестоким убийцам, теперь стоял у своей кареты в одной рубашке, напрочь забыв о манерах. Он смотрел на мутное стекло и долго не решался открыть дверь.

Всю дорогу с заднего сиденья доносились тихие, прерывистые звуки. Бай Цзин знал: юноша плачет. Горько, безутешно, как обиженный ребенок.

Сквозь приоткрытое окно доносилось невнятное бормотание — Сюй Юйлянь о чем-то жалобно просил. Но стоило окну закрыться, как он замолк. Юноша лишь глубже зарылся в тяжелую ткань пальто, уронив голову на грудь; его собственная одежда валялась под ногами. Белоснежная тонкая шея казалась такой хрупкой, что ее можно было обхватить пальцами одной руки. На влажную кожу налипли пряди черных волос, а плечи содрогались от подавленных рыданий.

Что за странный вампир? Стоит лишить его глотка крови, и он может только плакать.

Детектив невольно вспомнил, как долго тот терзал его руку, пока они спускались по лестнице.

На пустынной улице номер пятнадцать в Варле тускло светили лишь три фонаря, и тот, что стоял перед домом Бай Цзина, как назло, погас. Темнота, точно занавес, скрыла от посторонних глаз сцену, в корне противоречившую образу сурового охотника. Тяжело вздохнув, высокий мужчина бережно подхватил маленького вампира с заплаканным лицом и внес в дом.

Бай Цзин убеждал себя, что делает это не по прихоти. Это был его новый помощник, а найти замену так быстро не представлялось возможным. К тому же, это существо — настоящий вампир, быть может, ни разу в жизни не знавший вкуса крови. Он обязан держать его под строгим надзором. Нужно допросить его, выведать расположение других гнезд, а когда он станет бесполезен... тогда и решить его судьбу.

Голод — это дьявол, подчиняющий разум.

Когда на лицо легло теплое полотенце, затуманенный рассудок Сюй Юйляня наконец прояснился. Столкнувшись с холодным, пронизывающим взглядом Бай Цзина, он мгновенно закрыл рот ладонью. Юноша смутно помнил, что произошло: в его памяти остался лишь терпкий, дурманящий запах винограда, исходивший от кожи мужчины. И он просто не смог удержаться.

Взгляд Бай Цзина был настолько тяжелым, что, казалось, прожигал насквозь. Юйлянь закусил губу, мечтая лишь о том, чтобы провалиться сквозь землю. Что за шпион, который выдает себя в первый же день? Поверит ли Бай Цзин, если сказать, что это было досадное недоразумение?

Детектив хорошо помнил тот жест. Еще в библиотеке замка Юйлянь так же внезапно прикрыл рот. Тогда он решил, что помощнику стало дурно от вида крови, но теперь понял: в тот момент у него просто показались клыки.

— Зачем ты закрываешь рот? — сухо спросил он.

Сюй Юйлянь испуганно забился в угол дивана:

— Я... мне кажется, у меня бешенство.

Бесстрастное лицо Бай Цзина дрогнуло.

— Бешенство? И поэтому ты решил меня покусать?

Он выставил вперед руку, которую юноша в замке использовал вместо игрушки для зубов. На коже отчетливо виднелись следы, особенно глубокие возле выступающих вен, где два клыка оставили явные отметины. Но ни одна рана не кровоточила.

Сюй Юйлянь медленно поднял глаза, гадая, не поверил ли Бай Цзин в эту ложь. Он украдкой облизнул губы, радуясь, что столь нелепое оправдание, возможно, сработает.

— Да, я...

— Ложь — дурная привычка, — прервал его Бай Цзин, не желая больше участвовать в этом

фарсе. Он грубо перехватил его руку и втиснул большой палец между губ юноши. — Маленький вампир. Как же тебе удалось одурачить Юджина и примкнуть к охотникам?

Сильная рука мужчины жестко удерживала его за лицо, не давая отвернуться. Юйлянь был прижат к спинке дивана, и его челюсти против воли разомкнулись. Острые, едва зародившиеся клыки предстали перед взором детектива.

Только теперь Бай Цзин смог рассмотреть его как следует. Он мало чем отличался от того юноши, которого он встретил в замке, разве что глаза выдавали его истинную сущность. С закрытым ртом Сюй Юйлянь казался обычным человеком. Из-за того, что он долго плакал, веки его припухли и покраснели, делая его облик необычайно притягательным. Неудивительно, что Юджин попался на эту удочку.

Взгляд детектива задержался на кончиках клыков — они были на удивление тупыми и закругленными. Бай Цзин с нескрываемым пренебрежением коснулся их подушечкой пальца и спросил:

— Кого еще ты кусал?

Тонкие брови Юйляня жалобно сошлись на переносице, глаза наполнились слезами. В тусклом свете его кроваво-красные зрачки мерцали, точно драгоценные камни. Из-за пальца, зажатого во рту, его речь была невнятной:

— Ешли я шкажу... ты меня отпустишь?

— Нет, — Бай Цзин ощутил прикосновение мягкого языка к своему пальцу и посмотрел на него сверху вниз. — Сначала ты все расскажешь, а потом я решу, как с тобой поступить.

<http://bllate.org/book/16122/1587526>